

2011-05-06 [Серия материалов о русском языке. \(Мы отстоим тебя, русская речь \)](#)

Л.М. Кольцова, доктор филологических наук,

Профессор, руководитель центра русского языка ВГУ,

«И нет у нас иного достоянья...»

Размышления о русском

Мы уверены, что русской речи предстоит одно из двух: либо исползеть донельзя, либо, образуясь, свернуть на иной путь, захватив притом с собою все покинутые второпях запасы.

В.И.Даль

Долго и трудно, легко и быстро писалась эта статья, потому что в жизни Языка и языке Жизни постоянно и непрерывно происходят такие события, появляются такие факты, которые нуждаются в немедленном осмыслении и оценке не только с позиций современной науки (что далеко не всегда интересно и понятно людям, далёким от лингвистики), но и с точки зрения любого человека, для которого родной язык – единственное универсальное средство освоения мира, бесконечно многообразного и постоянно меняющегося; мира, создаваемого языком.

Наш родной русский язык в какой-то момент становится «предметом» размышлений каждого человека (не только русского), который оказывается вовлечённым в языковое пространство. Невольно – с момента рождения; неизбежно – с начала системного обучения языку; вполне осознанно – «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» о судьбах Родины.

⋮

Родной язык внутри и вокруг нас, как вода или воздух, без которых мы умираем от жажды или удушья, как Душа, которую начинаешь чувствовать, когда она болит или радуется, чернеет от горя или светлеет от радости, ликует или скорбит. О русском языке сказано столько прекрасных слов в стихах и прозе, написано столько многотомных трудов, умных диссертаций и наивных школьных сочинений, что кажется невозможным представить вниманию образованного читателя (других читателей нет у серьёзных «толстых» журналов) какие-то новые, оригинальные мысли, приглашающие к раздумью и побуждающие к действию. Но тот, кто связан со Словом своей профессией, призванием, тот, кто всю жизнь добывает Словом «хлеб насущный», кто знает множество глубоких и мудрых изречений о «великом, могучем, правдивом и свободном» и понимает, что «язык сложнее, чем любая мысль о нём», – всё равно будет стремиться передать своё отношение к той единственной могучей силе, которую великий В.Гумбольдт назвал «объединённой духовной энергией народа, чудесным образом воплотившейся в звуках», не менее великий А.А.Потебня – «органом мысли», а модный ныне М.Хайдеггер – «Домом Бытия».

Потому-то и воспринимается предложение поделиться своими мыслями о родном языке как великая честь и ответственность, которую нельзя «даже Льву Толстому передоверить, пусть себе он – Бог», как сказал А.Т.Твардовский, надо только найти отправную точку, сформулировать тот вопрос, на который ищешь ответа всю свою жизнь.

Когда-то давно моя совсем маленькая дочь спросила: «А что ты там пре-по-да-ёшь, в

своём университете?» И расхохоталась над ответом: «Русский язык?! Да что же его преподавать? Его и так каждый дурак знает!» В этом детском удивлении, открытии, что родному языку, оказывается, учат и учатся, заключается огромный смысл. И прежде всего – тот самый главный вопрос: что **должен** знать человек **о своём родном языке**? Впрочем, здесь не один, а по меньшей мере три вопроса: что надо знать

о языке

, о языке

родном

, о

своём

родном языке?

Эти вопросы неизбежно тянут за собой другие, не менее важные: **зачем** это всё **надо** знать? Как и где получить

такое

знание, которое позволит через призму языка (его разновидности, другие языки) полноценно воспринимать, познавать, изменять Мир, строить свои взаимоотношения с действительностью, удвоенной языком, проявлять свои творческие способности, проникать в сокровенные тайны Бытия? Наконец, какие возможности даёт глубокое знание родного языка и знание

о нём

для развития человека, для того Дела, о котором Л.Н.Толстой писал: «Для бессмертной Души нужно и дело такое же бессмертное, как она сама. И дело это – бесконечное совершенствование себя и мира». Для того, чтобы ощущать себя полноценным, уважаемым обществом Человеком, гражданином своей страны, занимающей достойное место в мировой культуре.

Мысль о том, что сбережение, поддержка русского языка, укрепление его позиций – это необходимое и неременное условие духовного, культурного, научного развития России, основа национальной безопасности, единства государства, мощное средство влияния на мировые процессы в качестве одного из важнейших мировых языков, наконец пробилась к самым вершинам власти.

Проблемы, о которых постоянно вели речь учёные, преподаватели, писатели, всё ещё дорожащие чистотой родного языка, понимающие, что «язык – не только орудие познавательной и мыслительной силы человека, но и сама эта сила, ... это знание – свидетельство его человечности» (И.И.Срезневский), вышли на государственный, общенациональный уровень. Это проблемы, касающиеся необходимости законодательно защищать русский язык, правового регулирования в области языковых отношений, современного состояния языка и культуры речи и ответственности за это состояние, проблемы, связанные с обучением русскому языку и мн. др.

Правительство Российской Федерации в 2006 году утвердило Федеральную целевую программу «Русский язык» на 2006–2010 годы, где по сравнению с предшествующей Федеральной программой (на 2002–2005 годы) значительно глубже и основательнее определены цель и задачи, расширены разделы, увеличены объёмы финансирования.

Однако есть серьёзные опасения, что без немедленных волевых решений на всех уровнях власти проблемы так проблемами и останутся, как это случилось с разработкой нового «Свода правил современного русского языка», введением «методики тестового контроля за уровнем владения русским языком государственными служащими» (нетрудно заметить лукавство формулировки: «внедрение» не контроля, а «методики»!); повышением «речевой культуры в средствах массовой информации, публичных выступлениях на основе разработанного нового свода правил русской орфографии, орфоэпии и пунктуации» (интересно, как на основе правил исключительно письменной речи можно повысить культуру речи устной?); «усовершенствованием образовательного процесса в школах и вузах» (известно, что ЕГЭ по русскому языку, а с этого года – и по литературе научное и педагогическое сообщество оценивает как национальную катастрофу), и многими другими намеченными и нерешёнными задачами, на которые были выделены немалые средства.

Вот почему основные проблемы, цели, задачи, обозначенные в нынешней Программе мероприятия, нуждаются, на наш взгляд, в широком обсуждении, привлечении к ним внимания и действенного участия той живой части общества, для которой не безразлична судьба нашей Родины, всех тех мыслящих и со-чувствующих людей, которые не считают благом для нашей родной страны немедленный переход на латиницу, не мечтают о том, чтобы английский язык стал государственным языком России, и не высказывают публично свои измышления, что русские люди о своём родном языке думают и отзываються исключительно негативно, а «позитивно» оценивают языки иностранные, что на духовном уровне в сознании народа русский язык вообще не представлен... Нелепость таких утверждений легко опровергнуть, открыв хотя бы словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В.И.Даля, где этих пословиц и поговорок, хранящих в себе генетическую память народа, присущий ему устойчивый взгляд на мир, посвящённых языку, речи, слову при самом беглом подсчёте оказывается более четырёхсот (!) и на первом месте в разделе «Язык – речь» оказывается: «Языком Душа с Богом разговаривает».

Такое обсуждение в форме «круглых столов», дискуссий, конференций должно стать делом не только (и не столько!) филологов, для которых нет «Года русского языка», а были, есть и будут века, эпохи, эры Русского языка. Большинство русистов, словесников без понуканий и решений «сверху» исполняют практически «безвозмездно, то есть – даром» свой профессиональный и патриотический долг, пытаюсь сохранить традиции русского образования, которые, как известно, заключаются в широте, фундаментальности, универсальности, преемственности, глубине и гуманитарности.

Именно на разрушение этих традиций направлено введение ЕГЭ (единого государственного экзамена) в виде тестирования, не обеспеченного едиными учебниками, едиными образовательными стандартами, едиными условиями обучения; двухуровневое высшее образование (вхождение в так называемый Болонский процесс), платная аспирантура и соискательство, где умным, но бедным не найдётся места. Сомнительным окажется и само понятие «высшее образование», поскольку бакалавры,

которых мы должны будем с 2008 года готовить и выпускать – это $\frac{3}{4}$ преподавателя русского языка и литературы. Так красиво, в ритме вальса, мы перейдём к «европейским стандартам», которые у самих европейцев давно уже вызывают тоску души.

Само превращение Образования в «рынок образовательных услуг», т.е. существительного в прилагательное, вызывает содрогание и отвращение у людей с развитым лингвистическим чутьём. Ещё древние греки сформулировали принцип: «Nomen est omen» – «Имя есть судьба»: измени название вещи – и она изменит свою сущность. Слова «просвещение», «просветительство», «просветитель», «просвещать» совершенно исчезли из нашей речи. А ведь «просвещать» значит «даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру, образовать ум и сердце», «просвещение» – «свет науки и разума, согреваемый **ЧИСТОЮ НРАВСТВЕННОСТЬЮ** ;

развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование, при **ясном сознании долга своего и цели жизни**

». Так определяет значение этих слов В.И.Даль в «Толковом словаре современного русского языка». А в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» Российской академии наук под редакцией Г.И.Скляревской (2001 г.), где есть и «барабашка», и «башлять», и «вольняшка» (лагерное), и «палмтолпы», и «хендхелды», – этим словам не нашлось места, как нет Свету места на рынке, зато крайне необходимы «бабки, башли, баксы» и т.п.

О том, что совершается в нашем общем Доме в сфере филологического образования, которое должно быть постоянным и непрерывным на протяжении всей жизни человека, с болью говорят сейчас самые заслуженные, мудрые, авторитетные учёные, учителя, писатели, но их голос, голос умнейших представителей русского народа, не хотят слушать и слышать те, кто принимает решения, ужасающие по своим последствиям.

Проблема обучения русскому языку в школе и вузе в современных условиях требует сейчас не обсуждения, не рассуждения, не «рассмотрения» и «составления программ мероприятий», а немедленного действия, чрезвычайных мер, потому что в сложившейся ситуации мы уже начали терять поколение за поколением наших детей, которые литературному языку предпочитают общение на «албанцком», «аффттарском», или языке «падонкафф», и с нелёгкой руки благодушно настроенных, довольных самими собой чиновников (не поворачивается рука написать «от образования») и некоторой небольшой, но страшно активной части учёных, отрабатывающих зарубежные гранты, не в состоянии отличить литературные слова от просторечных, хорошую речь от плохой, а Красоту от безобразия.

Даже по отношению к такому явлению, как «новограф» – письменный язык общения в виртуальном пространстве Интернета, который представляет собой целенаправленное искажение речи («афтар выпей йаду», «красавчег», «медвед»; «он с мну ниапчаецца»; «убей сибя апстену» и т.п.) существует кардинально противоположные оценки: от мнения, что это – «специфический жанр, владению которым **следует учиться**, как и владению любым другим жанром. «Интересно», «забавно», «любопытно» – кокетливо замечают лингвисты, долг которых – охранять, защищать, развивать языковое сознание тех, кто еще не понимает, что нормы языка – не оковы, не путы на изменяющейся и подвижной речи, а благодатная возможность создать культурное пространство, где беспрепятственно, легко и **свободно** могут общаться люди через времена и расстояния.

Язык чатов опасен для тех, кто не сформировался еще как личность, в том числе как личность языковая.

Какой он, **мой** язык? На этот вопрос должен ответить каждый человек, определившись:

русский литературный язык

мне – свой или чужой?

Русский язык перед вызовами глобализации

Язык, которым Российская держава **великой** части света повелевает, по ея **могуществу** имеет природное изобилие, **красоту** и **силу**, чем **ни** единому языку **не уступит**.

М.В. Ломоносов

Возвращаясь к тому кругу задач, которые обозначены Федеральной целевой программой 2006–2010 гг., надо сказать, что большая часть их связана с современным положением русского языка в мире, с его ролью «в осуществлении сотрудничества с народами государств-участников СНГ и стран Балтии, с мировым сообществом в целом». Это положение вызывает «самую серьёзную озабоченность», – говорится в Программе.

За соответствующими примерами и нам далеко ходить не надо. Они сами к нам приходят и вызывают, порой, горестное недоумение. Наш родной Воронежский университет всегда считал своим ближайшим родственником Тартуский (Дерптский, Юрьевский) университет. Даже 80-летие ВГУ отмечалось и как 200-летие Юрьевского университета. Всегда нас связывали научное сотрудничество, взаимообмен, тесная дружба. Будучи студентами, аспирантами, молодыми преподавателями, мы с удовольствием ездили в Эстонию на научные конференции, с радостью посещали лекции и семинары Ю.М.Лотмана и З.Г.Минц, изучали «Труды по знаковым системам», издаваемые в Тартуском университете. И вот в этом учебном году наши студенты, отправившиеся на включённое обучение, через неделю вынуждены были вернуться: в университете Тарту ни одного курса, читаемого на русском языке, – нет! Этот факт не помешал представителю Тартуского университета без зазрения совести выступить на пленарном заседании III Международного конгресса исследователей русского языка: «Русский язык: Исторические судьбы и современность», который прошёл в Москве 20–23 марта этого года. Изгнание русского языка как языка обучения на отделении русской и славянской филологии объясняется тем, что необходимо учитывать «усиление прагматизма мотивации студентов» при организации учебного процесса, выбора форм и методов обучения. Дай Бог филологам эстонского университета достичь без русского языка того уровня, того авторитета, блеска и мощи, который демонстрировали миру труды Ю.М.Лотмана о русском, на русском и переведённые с русского, на многие языки мира.

Насильственное вытеснение русского языка из школ, вузов, государственных учреждений в странах «ближнего зарубежья» отзовется ещё так, как нам «не дано

предугадать». Однако и сейчас дальновидные, не ослеплённые политическими, корыстными, сиюминутными интересами деятели, от которых зависит языковая политика, не допускают ослабления позиций русского языка.

Так, например, существует, по классификации В.М.Алпатова, профессора Института востоковедения РАН, белорусский вариант языковой политики: «Формально имеются два государственных языка, но во всех сферах, включая государственные, русский язык преобладает. Титульный язык вне бытового общения играет более всего символическую роль» (Алпатов В.М., 2007, с. 12).

Лингвисты, изучающие положение русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья, филологи из этих стран отмечают, что знание русского языка обеспечивает самостоятельное освоение новой информации, обмен научными знаниями, расширяет возможности культурного общения. Этим объясняется сохранение русского языка, повышенный интерес к нему в целом ряде государств.

Так, определяя роль и статус русского языка в Армении, профессор Э.М.Оганесян пишет о том, что многие родители стремятся дать детям русское образование, о нелегальном существовании в школах с армянским языком обучения – русских классов, поскольку русский язык роднее и ближе, чем любой иностранный.

На фоне радостных воплей: «Русский язык скоро станет древним, мёртвым...» (не

называю автора, чтобы не создавать ему дополнительной рекламы) особенно значимыми становятся подкреплённые фактами утверждения тех учёных-русистов, которые говорят: «Авторитет русского языка по-прежнему очень высок в мире. Знание русского языка обеспечивает каждому человеку возможность общения с людьми других национальностей и открывает новые перспективы международного и межнационального сотрудничества... Русский язык, как и раньше, остаётся ключом к знаниям всех отраслей науки и техники». Это свидетельство человека, приложившего немало сил к тому, чтобы русский язык «как источник знаний, источник информации о русской мировой науке и технике» являлся одним из основных предметов в школах и вузах Монголии (Чойдон З., 2007, с. 750).

Говоря о месте и роли русского языка в современной Турции, профессор Х.Арслан отмечает: «Знание русского языка стало важным фактором для успешной профессиональной деятельности многих граждан Турции, что послужило толчком к началу преподавания русского языка в государственных и частных университетах» (Арслан Х., 2007, с. 723).

Преподаватель русского языка в университете им. Джавахарлала Неру (в Индии) Ману Миттал рассказывает о работе Центра русских исследований одного из самых передовых центров, где преподаётся русский язык, в течение сорока лет выпускает специалистов по русскому языку и литературе, переводчиков, которые работают в разных сферах во всём мире (Ману Миттал, 2006, с. 233).

После некоторого затишья в Словакии наблюдается настоящий взрыв интереса к русскому языку. в новых экономических условиях он становится жизненно необходимым, востребованным для многих и многих людей. «У русского языка в Словакии есть будущее» (Шаррави Э. Русский язык в новых экономических условиях Словакии).

В университете Нанта (Франция) желание научиться говорить по-русски охватывает всё большее количество молодых людей. За последние два года число студентов, изучающих русский язык, выросло больше чем в 3 раза.

Достаточно полная картина распространения русского языка в современном мире, его позиций, тенденций изменения ситуации, в которой находится русский язык в различных регионах, представлена специальных докладах Министерства иностранных дел «Русский язык в мире», в преамбуле которых говорится о том, что задача сохранения позиций русского языка занимает **приоритетные** места в работе Министерства иностранных дел Российской Федерации, что проблема языковой культуры, поддержки и защиты русского языка как величайшего национального достояния «занимают все более заметное место в общественном сознании россиян» (Доклад МИД «Русский язык в мире», Москва, 2003).

Отмечая, что в самом сложном положении русский язык оказался **на постсоветском пространстве**

аналитики делают очень серьезные выводы о том, что разрушения русскоязычного пространства вызывает тревогу, поскольку последствия этого процесса крайне негативны. Это касается вытеснения русского языка из общественно-политической и хозяйственной жизни, области культуры, средств массовой информации; сокращения возможности образования на русском языке, что затрагивает права миллионов граждан и не отвечает интересам самих новых независимых государств.

Разрушение системы образования на русском языке осуществляется на Украине, где

половина населения считают русский язык родным; в Туркмении, где закрыты факультеты русской филологии в университете и педучилищах; в странах Балтии, где полностью ликвидировано обучение на русском языке в государственных вузах.

Серьезные изменения произошли в положении русского языка в странах Центральной и Восточной Европы, где в 90-е годы русский язык был исключен из числа обязательных предметов школьной и вузовской программ и занял позиции факультативного и малоизучаемого.

В странах Западной Европы после сокращения объемов изучения русского языка в конце 90-х годов намечается рост интереса к изучению языка.

В общеобразовательных школах русский язык изучается в Германии, Франции, Англии, Австрии; в Бельгии, Ирландии, Исландии, Испании русский язык изучается в высших учебных заведениях.

Русский язык преподается в Китае, Монголии, КНДР, Вьетнаме, Индонезии, Филиппинах.

Благодаря выпускникам российских (советских) вузов сохраняется русский язык в лицеях, школах и вузах стран Африки, таких, как Египет, Мали, Сенегал и др.

В странах Америки, где малочисленные группы населения, считающие русский язык родным, растет спрос на русскоязычных специалистов для бизнеса и госструктур.

На Кубе до сих пор русский язык является самым распространенным иностранным языком.

Это знание о том, как представлен русский язык на современной карте мира, каковы перспективы его продвижения в современном геополитическом пространстве, так же важны, полезны и нужны для человека, как знание географии, истории, экономики, а может быть, еще важней, поскольку распространение русского языка – это важнейшее условие развития политических, экономических, социальных и культурных отношений с зарубежными странами и русскими диаспорами в них.

Положительное отношение к России в мировом сообществе формируется и в прямой зависимости от того, **какой** русский язык предлагается этому сообществу: язык-код, язык деэтнозированной политнации (Д.Д. Каражаев), действительно мертвый или подлинный язык природных русских, живой великорусский, в котором есть чувственная ткань, смысл, в котором скрыта загадка русской души и только тем он может быть по-настоящему интересен людям, которые хотят не просто получить какую-то

экономическую выгоду от знания языка, а расширить границы Познания, для чего и призван на свет человек.

Русский язык на мировом уровне представляет собой реальную общественно-политическую, культурную, экономическую силу.

Эта сила зависит от того, насколько «обустроен» собственный мир русского языка как феномена мировой культуры, насколько он привлекателен как непреходящая ценность бытия.

Русский язык как национальная идея

Язык важен для патриота.

Н.М.Карамзин

О том, что происходит с русским языком на рубеже тысячелетий, говорят сегодня не только лингвисты. И не только в России. Трудно не признать справедливость мысли М. Эпштейна, взирающего на Россию «Из Америки», что в России «все политические проблемы раньше или позже упираются в язык, потому что нельзя найти более высокого всенародного авторитета. «Всё расхищено, продано, предано» (Ахматова) – и только язык остается неподкупным стержнем национальной совести (М.Эпштейн, 2005, с.271).

Ничего общего, кроме языка, ни лесов, ни полей, ни рек, у русского народа не осталось. И только идея сбережения языка может претендовать на статус национальной. Язык сам по себе есть национальная идея, особенно – «в дни скорби и страдания».

Потому так остры дискуссии о языке, так навязчивы и настырны разрушители норм и поборники «свободы речеизъявления», так разнятся (до полной противоположности) оценки происходящего в языковом пространстве: от утверждения, что язык ожил, расцвел так, что «душа радуется», до пессимистического горестного заключения, что порча языка уже необратима.

Промежуточная позиция, которую можно определить как «пассивный оптимизм», заключается в том, что происходящие в языке серьезные сдвиги в сторону ухудшения не могут быть не замечены, но язык сам справится со своими болезнями, преодолеет натиск необдуманных, необоснованных, нецелесообразных заимствований, лавину ринувшихся во все сферы языковой действительности сниженных слов, размывание норм, смешение стилей – и останется «свободным и чистым».

Процессы, вызывающие радость или тревогу людей, раздумывающих о современном состоянии языка, сложны и многообразны, но чаще всего в публичных дискуссиях о языке речь идет

1) об отношении к заимствованным словам;

2) о проникновении жаргонной, просторечной, ненормативной лексики во все сферы бытования языка;

3) об общем уровне культуры речи.

Постоянство этих проблем внушает своеобразный оптимизм. Когда-то Н.А. Некрасов писал:

Я книгу взял, восстав от сна,

И прочитал я в ней:

«Бывали хуже времена,

Но не было подлей!»

Однако может быть и хуже. Еще в 80-е годы академик Ф.П. Филин в книге «Истоки и судьбы русского литературного языка» писал: «Взаимобогащение языков было, есть и будет. Кто борется против заимствований вообще, тот пытается прекратить течение мощного потока песчинкой. Дело не в этом, а в том, какой удельный вес занимает каждый мировой язык в процессе международного лингвистического

взаимообогащения? Какое воздействие оказывает русский язык на английский и иные языки высокоразвитых наций? К сожалению, мы по этому вопросу не имеем никаких обобщений» (Филин 1982, с.301).

Не имеем и на сегодняшний день. Хотя уже есть наблюдения, свидетельствующие о том, что приток в научные коллективы зарубежных стран говорящих и думающих на русском языке ученых (то, что мы называем «утечкой мозгов») оказывает благотворное влияние на результаты научного поиска.

И противоположный эффект вызывает наплыв американизмов, который уже в 80-е, 90-е годы русские лингвисты считали **беспрецедентным** в истории русского языка. Сейчас же, по наблюдениям исследователей, ежедневно на головы (правильнее было бы сказать – через уши и глаза – на мозги) людей обрушивается более пятидесяти новых иноязычных слов. Человек оказывается в очень сложном положении, которое когда-то описал в фельетоне «Крик души» Виктор Славкин (этот фельетон приводит почти целиком Ф.П. Филин в упомянутой книге): «Начальнику ЖЭК №5 от жильца квартиры №37 Селимонова К.П. Заявление. В последнее time совсем доконали соседи... наша life дала трещину... В моей family (семье) началось натуральное заболевание по нервам – заговариваемся Встанешь morning, голова полна не наших words, а днем эти выражения из нашего рта так и лезут... Скажите соседям, пусть перестанут хулиганить at night... Help me! А то хана. Отец family трех people Selimonoff K.P.»

Думается, сейчас в этом рассказе читатель и не оценит юмора, потому что макароническая речь стала обычной для нашего времени.

Проблема не в том, что словарный состав языка вбирает в себя названия новых предметов, явлений, а в том, что эти названия не осваиваются, остаются непонятными для читателя, слушателя, зрителя. Если даже давно и прочно вошедшие в язык слова «геноцид», «антибиотик», «иммунитет» толкуются соответственно «дружба народов», «микроб», «зараза» «среднеобразованным» (так скажем) человеком, то что говорить о таких модных словечках, которые порхают бабочками по телевизионным «ток-шоу», звучат в интервью с известными людьми, в новостных передачах: «не получил преференций», «в фильме должен быть месседж», «нас ждет айс-клаймтинг», «дизайн ногтей» (не знаю, как перевести).

Лингвисты-оптимисты такие манипуляции с языком, приверженность к «чужесловам» рассматривают как забавную игру с иноязычностью.

«Современные тексты, – пишет весьма авторитетный, уважаемый ученый, автор вузовских учебников по современному русскому языку Е.А Земская, – добиваются в первую очередь эффекта загадочности: привлечь читателя (слушателя), заинтересовать его, заставить улыбнуться» (Земская Е.А. Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века, www.gramota.ru). Заставить улыбнуться, создать особую выразительность призваны, по мнению профессора, газетные заголовки типа «Виртуальная авоська общего пользования», «Целуйте рейтинги в район кокошника», «Электорат соблазняют, но еще не кинули», «Инкассатор инкассатору lupus est» и пр. «Эти загадки скорее веселят, чем раздражают», - считает Е.А. Земская. Особенно веселым представляется последний заголовок статьи, «повествующей» (!) об убийстве одного инкассатора другим.

Действительно, иноязычные слова, не имеющие для русского человека внутренней формы, глубины значения, ассоциативных связей, оценочного компонента, т.е. живой жизни, очень удобны для того, чтобы маскировать ужас происходящего. У молодых

людей, вырастающих в условиях «расцветшего» и «ожившего» языка не вызывают каких-либо чувств слова «путана», «киллер», «киднеппинг», «коррупция» и т.п. Один школьник спокойно говорит другому: «А я в институт не пойду. Буду секьюрити или киллером».

Прав мой коллега Н.И. Белоусов, когда говорит о том, что «преобразователям» вряд ли удалось так лихо «кинуть» всю Россию, если бы они не придумали загадочные «ваучеры», «маркетинги», «консалтинги», «киллеров» и «диллеров», под которыми были замаскированы убийцы и вымогатели, воры и грабители. И не случайно до сих пор нет закона о защите русского языка, а государственные (!) СМИ поднимают настоящий вой при любой попытке принять такой закон (кстати, законы о национальном языке действуют во Франции, Финляндии, Венгрии и многих других странах).

По улицам родного города мы ходим как по странному вневременному и наднациональному New-Воронежу, где смешались языки, как при Вавилонском столпотворении, и сместились времена: «City» (развлекательный клуб), «Sportcity» (название магазина), «Unopiu» (итальянский бутик); «Piu & Piu» (магазин женской одежды), «По щучьему велению» - эти примеры (собранные и оцененные студенткой филологического факультета Викой Мусориной) могут быть дополнены каждым жителем: достаточно пройтись по нескольким (и даже одной центральной) улицам. Наши студенты отчетливо понимают, что такое отношение к языку – это целенаправленное разрушение национального самосознания русского человека. И проблема эта касается каждого из нас.

С древних времен наделение именем человек или вещи, произнесение имени было священнодействием. «Имя таинственным образом соответствует глубинной сущности вещи или человека, и все его употреблять нельзя!» (Е.С. Кара-Мурза).

Названия торговых, предпринимательских, коммерческих фирм, организаций, учреждений **не должны** противоречить языковым и эстетическим нормам, поскольку они являются частью той культурно-исторической среды, которая оказывает огромное воздействие на сознание и чувства обитающего в ней человека.

«Импортные» имена, которые кажутся владельцам, хозяевам «красивше» буквально заполнили наши улицы, нарушая все мыслимые правила и выходя за границы здравого смысла: «Деликат», «Эгоист», «Фобос», «Альбинос», наконец, лингвистический кошмар «Дет. Мороз» и т.п.

Агрессия заимствований, засоряющих речь, затемняющих ее смысл, вызывает протест у людей, понимающих, что многому из того, что сейчас необдуманно заимствуется, место – в мусорной корзине, а не в языковой копилке нашей жизни.

Впрочем, сами-то слова, которые уродуются и калечатся нелюбителями русского слова, произдевавшие даже над словом «счастье» («сча\$тье»), даже чужие, – не виноваты. Они – тоже жертва жестоких, бессовестных, невежественных «потребителей языка», лишенных языкового вкуса и нравственного чувства.

На одной из конференций, проведенной кафедрой русского языка филологического факультета ВГУ, прозвучали слова П.И. Мельникова-Давыдова (Борисоглебск), которыми можно подытожить размышления об иноязычных заимствованиях: «Никогда не стояла так остро проблема речевой дезориентированности носителей русского языка и крупномасштабного разрушения их языковой компетентности, вызванных необдуманном речевым «модничанием» плохо подготовленной части населения и активной деятельностью наших средств массовой информации. Это чревато серьезными последствиями для русской культуры в целом, тем, что происходящие изменения угрожают самобытности русского языка как высочайшего достижения нашей культуры».

Тревогу вызывает и еще одно явление в современном русском языке: перемещение периферийных, ненормативных элементов языка (жаргонных, просторечных) в сферу общеупотребительную, размывание норм, перегруппировка стилей. Процессы эти затрагивают не только язык, но и связанное непосредственно с языком мышление, способ видения мира, образ жизни.

Как пишет профессор И.Ю Черепанова, разрабатывающая основы суггестивной лингвистики (лингвистики воздействия), в книге «Клич Гамаюн», «...язык – Друг и Враг, Защитник и Предатель. Язык амбивалентен и поливариантен. Он таит в себе ключ от «таинственной русской души». И даже если большая часть информации поступает к человеку через неязыковые каналы, она усваивается и воздействует только благодаря словесной переработке. Не говоря уж о том, что «В начале было Слово...», любая расшифровка невербальной информации происходит вербально. А как иначе определить «закрытость», «лживость» или «коварное намерение?» (Черепанова, 2007, с.72).

Магия языка - оружие воздействия в руках профессионала. Наши две беды – «дураки и дороги» – могут оказаться для России спасительными в силу того, что не дадут

возможности абсолютного, тотального распространения техник НЛП (нейро-лингвистического программирования), овладения «каждым непрофессионалом» (как обещает И.Ю. Черепанова) способами, средствами, приемами манипулирования чужим сознанием, что становится вполне осуществимым, поскольку в области новых направлений лингвистики «мы впереди планеты всей», опережая мировую науку на десятилетия.

Роль мага и волшебника, погружающего человека в «сон золотой», где исполняются все желания (стоит только что-то съесть или выпить), берет на себя реклама, развлекательные программы, изделия и несъедобные продукты массовой культуры.

Проблема манипуляции как вида речевого воздействия с целью навязать определенные представления о действительности, сформировать нужное манипулятору отношение к событиям, фактам, предметам, вызвать желаемую эмоциональную реакцию стоит чрезвычайно остро. В агрессивной среде языкового манипулирования ни о какой свободе человека не может быть и речи. Если человек изначально, по словам Р. Барта, «раб языка», то в нынешних условиях тотального воздействия масс-медиа на сознание человек – раб, прикованный к галере. Только очень наивный человек верит, что реклама предлагает товар, продукт, торговую марку. На самом деле – продается, навязывается образ жизни, образ мыслей, принципы (вернее, беспринципность) отношения к действительности, к главным смыслам и ценностям Бытия, превращенного в быт.

Исследователи рекламы отмечают, что **целевая установка** рекламщиков (их теперь тоже «красиво» называют «копирайтерами») – это создание, формирование представлений об «идеальном» мужчине и «идеальной» женщине.

«Мужская» реклама призвана сформировать образ активного, деятельного, самостоятельного человека. Для этого используются соответствующие слова: власть, интеллект, превосходство, покорение, успех; безупречный, свободный, уверенный, энергичный и т.п. (Всего этого можно легко достичь, купив галстук «Мечта удавленника» и напившись пива «Толстяк»).

«Женская» реклама апеллирует к понятиям «восторг», «изящество», «красота», «нежность»; «божественная», «великолепная», «пленительная». Надо только «позволить себе», «любить себя», «быть достойной» какой-либо косметики или парфюмерии.

Стратегическая задача рекламы – разрушить традиционную для русского сознания «нестяжательную» систему ценностей. По словам В.А. Долинского, в этой системе норма – бескорыстная помощь старому и малому, слабому, больному, это система, в которой, по определению «Словаря Академии Российской» (1806–1822 гг.), «потреблять» значило «погублять кого-то». Шаманские заклинания рекламы: «Купи» Употребляй! Друзей я продаю – это выгодный бизнес!, Всё – за «Сибирскую Корону»; Шоколад «Аленка» – всё, что нужно человеку! Люби себя! Любимый город может пить спокойно!» – деформируют сознание. И главный способ привлечения внимания – «бесплатно»: 10, 20, 150%. Вместо возвышенной идеи, призыва, посылы – бесстыдное «Даешь халяву!». Как справедливо пишет лингвист В.А. Долинский, «доминирующее в культуре поле смыслов сужается – на первое место выдвигается роскошь жизни... Миф о потреблении (об эквивалентности благосостояния человека и его финансового состояния) сознательно подпитывается бизнесом» («Лучшие друзья девушек – это бриллианты!»). Исследователь цитирует циничное и страшное по своей сути откровения современного «идеала»: «Наша экономика требует, чтобы мы сделали неограниченное потребление нашим образом жизни, чтобы мы превратили покупку и потребление товаров в ритуалы, чтобы мы **искали и в потреблении духовное удовольствие** (выделено нами). Экономике необходимо, чтобы вещи потреблялись, сжигались, изнашивались, выбрасывались и заменялись со всей более возрастающей быстротой»

(Долинский. Русское

купи-продай

и миф потребительства в когнитивном измерении, 2007, с.485).

Сейчас на службе манипуляторов не только мощные силы СМИ, но и сила научного знания. «Магия изначального языка становится точным оружием воздействия в руках профессионала», – пишет профессор И.Ю.Черепанова, доводя до сведения широкого круга читателей (и зрителей – будучи приглашенной на популярную телевизионную передачу), что сегодня полученные прикладной отечественной лингвистикой результаты представлены профессиональной лингвистической программой, дает возможность целенаправленно воздействовать на глубинные установки личности и общества, создавая **«совершенные тексты влияния на подсознание с полным контролем «подпороговых стимулов»** (Черепанова, 2007, с.73).

В современных условиях СМИ, медиа, массовая культура, а теперь еще и прикладная наука – мощнейшие средства воздействия на коллективное сознание, средства управления, манипуляции людьми. Они способны «провоцировать в сознании почти любые типы хаоса путем простой операции, одновременно предъявляя читателю, зрителю, слушателю взаимоисключающие смыслы и принципы... Медиа задают современному человеку его язык, его моду, его стиль жизни, а также цели, ценности и потребности»

(выделено нами) (С. Кургинян, Ю. Бялый. Новый мировой порядок или новый мировой беспорядок? Инфраструктура и методология Хаоса, 2004, с.33).

То, что проделывает современная реклама с человеком, специалисты называют «шизофреническим нарушением иерархии мотивов»: «Всё – за «Корону Российской империи», «Erman – вкус совершенства!», «Всё для вас! Мегафон – будущее зависит от тебя!». Навязывание патологических стремлений, речевое воздействие ради создания

программ поведения и действия в интересах порабощения человеческих душ, психологический захват, насилие над личностью, чужое вмешательство в сознание с тем, чтобы незаметно для самого человека управлять им – вот те угрозы, о которых должен знать и от которых **должен быть защищен** русский человек с самого детства, с помощью тех барьеров подсознания, которые создаются при помощи профессионального, глубокого знания и владения словом, методик контрсуггестии, возвращения к генетической памяти человека, образующей и воспитывающей русской литературы и православной молитвы.

Может быть, понимание того, что язык, воплощенный в эстетически совершенной форме в русской классической и святоотеческой литературе, делает человека **свободным** от манипулирования в криминальных целях, и есть истинная причина изгнания литературы из школы, русского языка – из вуза, и такого яростного сопротивления попытке ввести в школьное преподавание основ православной культуры.

Тем ответственной, благородней, жертвенней становится миссия учителя словесности, ученого-филолога, писателя и журналиста (не случайно почти исчезли из речи слова «поэт», «писатель», «певец» – их заменили «автор», «исполнитель»), тем важнее роль гуманитарного образования в условиях технологической цивилизации, «разрушающей природу и самого человека», в условиях «репрессивного подавления личности» (А.Панарин. Духовные катастрофы нашей эпохи на языке современного философского знания, 2004, с. 194).

В этих условиях ущербной, агрессивной, попирающей и уничтожающей идеалы, паразитирующей на низменных инстинктах антикультуре, **жертвой** которой стал и наш язык, можно и нужно противостоять, используя каждую возможность сказать о том, что значение и ценность русского языка – в универсальной способности полного, всестороннего самовыражения человека и его многовекового уникального опыта

познания мира, о том, что русская литература с ее высоким патриотизмом, интересом к судьбе родины, гуманным отношением к человеческой Душе, способностью сильнейшего воздействия заставляют признать, как это делает немецкий философ В. Шубарт, что «русская душа ощущает себя наиболее счастливой в состоянии самоотдачи и жертвенности... Ее конечная цель и блаженное упование – добиться всеединства путем полной самоотдачи» (В.Шубарт. Запад и душа Востока, 2003, с.38).

Сейчас каждое произнесенное учителем, писателем, журналистом слово (а тем более написанное) – это поступок, это выбор, это выражение своей позиции в битве цивилизаций. Прав В.М. Акаткин, когда он, обращаясь к самым юным филологам, говорит: «Эта боязнь живых смыслов и живого слова, этот синдром безъязычия и терминологической избыточности, за которыми не видно ни автора, ни его первородного художественного мира, поразили, словно эпидемия, наше литературоведение рубежа веков».

Это очень серьезная, больная проблема – **язык работ** о языке и литературе. Именно в них энергия мыслей должна быть соединена с энергией слова. Но вместо «душевного огня и сопереживающего интеллекта» (В.М. Акаткин) нам (да ладно бы – нам, мы все-таки профессионалы, понимающие значение терминов) и «широкому» читателю, студенту, учителю предлагается пробраться через такие чащобы: «Традиционные коннотации и неконнотации формируют лингвокультурологический семантический потенциал слова как динамическое образование, обеспечивающее слову статус лингвокультуремы»; или «При порождении девиантного художественного дискурса типа Д. Хармса аномалии наррации создают игру на ... референциальной неоднозначности...» и так – до бесконечности.

Так и слышится вздох Ф.И. Тютчева: «Теперь тебе не до стихов, О слово русское, родное!»

Девальвация, трансформация, подмена понятий происходит, таким образом, не только в той сфере, которую мы называем «массовой».

Свою руку к разрушению языка прикладывают и те, кто трудится в сфере науки и образования.

Очень изменилось отношение самих лингвистов к результатам своего труда, которые уже и не стараются предугадать, «как наше слово отзовется». Пример тому – уже упоминавшийся «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия».

Чего стоят, например, аннотации к нему: «Авторы сумели с пушкинским изяществом растолковать слова и выражения, отразив все нюансы их употребления в различные исторические периоды России... Он создан в лучших традициях лингвистических академических изданий...» (Лорин Мигерд, историк и переводчик).

«Пушкинское изящество», видимо, обнаруживается в такого рода «толкованиях»:

1) «Игроман» – геймоголик.

2) «Дурь» (жарг.) – Дурман.

3) «Диджей» – Диск-жокей.

4) «Байк-шоу» – шоу с участием байкеров.

5) «Мини-ноутбук» – Субноутбук

6) «Кич-мен» – тот, кто увлекается китчем и т.п.

7) «Дама» – см. господин.

Но не только «пушкинское изящество» присуще Словарю, который «многие годы будет своеобразным индикатором ментальности россиянина, жившего на рубеже веков» (Лысакова И.П., доктор филологических наук).

«Ментальность россиянина» отразилась в таких, к примеру, иллюстрациях к словам:

«Гашиш». Наркотик. «В советской армии **интенсивно** (выделено нами) употреблялось спиртное, наркотики, прежде всего гашиш».

(Надо сказать, в наши студенческие годы мы и видом не видали, и слухом не слышали ни про какие наркотики);

«Голубой». «Я совершенно спокойно отношусь к голубым. Мне с ними комфортно»; «К этому явлению... можно плохо относиться только от дремучести, от непонимания элементарных вещей» (Алла Пугачёва);

«Натовский» – «Предотвращение гуманитарной катастрофы в Косово – главная задача натовской кампании в Югославии»;

«Порнобизнес» – «Моя семья полностью живёт за счёт порнобизнеса. Один из сайтов зарегистрирован на маму, другой – на сестру»;

«Люмпенский» – «Когда-то формальные предшественники КПСС – большевики – пришли к власти с люмпенскими лозунгами «грабь награбленное». Лозунг принят был с восторгом, засел в голове и прочно сидит там до сих пор»;

«Тату» – «Татуировку и пирсинг делают все! И мужчины, и женщины...».

Слава Богу, что этот «фундаментальный лексикографический труд» имеет тираж всего 5 тыс. экземпляров и стоит очень недорого. Как разительно отличается он от всех толковых словарей, где соблюдался принцип, определённый В.И.Далем: «...составитель словаря не указчик языку, он служитель, раб его».

Странной, мягко говоря, кажется ментальность и история русского народа, если судить о них по данным Словаря, где представлены слова с такими комментариями и пометами: Абсурдистан – о Советской России, АгроГулаг – о колхозно-совхозном строе, Агрессивно-послушное большинство – о составе Верховного Совета СССР; где слова «балдеть», «зэковский», «блатняк», «бомжара», «закидон», «путанить», «кабак» – отнесены в разряд разговорных (разговорная лексика, как известно, входит в состав литературной лексики); «благотворительность» оказывается «неодобрительным», «брак» – «религиозным», «взяточные» – «шутливым», а слова, уходящие в пассивный состав, – «братский», «будущее», «добровольный», «доблестный» и пр.

Авторы-составители сочли необходимым включить в словарь жаргонизмы «заторчать», «запасть на кого-то», «замочить», «закосить», «тащиться», «урка», «уркаган» «вертухай» и другие «языковые изменения», которые здесь не могут быть написаны, потому что еще существует понятие «непечатные, нецензурные» слова и выражения.

Надо было серьезно потрудиться, чтобы отыскать иллюстративный материал, раскрывающий своеобразное отношение к таким понятиям, как **РКПБ**: «...программный тезис общий: всё отнять, всё поделить и всех почему-то на Чукотку»;

Коммунизм

: «Трагедия, порожденная коммунизмом и фашизмом придала международный характер репрессиям и террору».

Коммунистический

: «Наш коммунистический рай, коммунистическая система всё сделала, конечно, для

растления народа».

Ментальность

: «Наши

(?!)

постоянные войны... сформировали особую ментальность народа. Поговорка «Скорей бы война, да в плен сдаться» могла появиться только у нас и нигде больше». Как говорится – без комментариев.

И вот как представлены в иллюстративном материале другого рода понятия:

Коммерция: «Искусство должно нести в себе элемент коммерции».

Коммерчески: «У сложного авторского искусства есть коммерчески значимая аудитория. Надо только научиться работать с ней. И для нее».

Меньшинства: «Я всегда хотела, чтобы геи свои возможности необыкновенные свободно реализовывали» (А.Пугачева); «Движение российских сексуальных меньшинств только в начале пути...»

Секс-бомба: «Студенты в восхищенном вожделении именовали ее «секс-бомбой»; среди профессорско-преподавательского состава она слыла «богиней».

Рейверы: «Наркотик «Extazy» наиболее распространен среди рейверов. Соответствующая музыка доводит действия наркотика до состояния высшего наслаждения».

Шоу: «Телевизионные шоу – шанс приобщиться к цивилизованным странам».

Как же надо не любить свою страну, свой народ, свой язык, чтобы среди всего лексического богатства, разнообразия выбрать скрупулезно то, что противно нормальному, здоровому, ясно мыслящему человеку, забыв совершенно не потерявшее своего значения «напутное слово» В.И. Даля: «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него **язык образованный**», забыв о том, что «составитель языка не указчик языку, он служитель, раб его».

Тревожные сигналы о том, что даже филологическое образование, филологическая наука, которая **обучает, воспитывая**, переживает **внутренний кризис**, меняет цели и задачи, требует серьезного, обдуманного, профессионального обсуждения. Это – предмет особого разговора, особая проблема.

Отдельно надо говорить и о том, что же **нам** делать в условиях, когда власть предержажие, распоряжающиеся деньгами чиновники, правители всех рангов и мастей, отчетливо понимая, какую роль играет **Просвещение** в национальной безопасности, в развитии страны, формировании полноценного, умного, образованного, свободного человека, **не заинтересованы в таком Просвещении и Образовании**.

Если люди будут способны сориентироваться, самоопределиться и объединиться вокруг важнейших нравственных понятий, построить вокруг них жизненные проекты, их сознанием нельзя будет манипулировать, они смогут противостоять убийственному Хаосу – символу предельной несвободы.

Надежда на это есть, потому что мощно и надежно работает русская Грамматика, перерабатывая, осваивая и подчиняя себе всё чужое и чуждое, превращая «o'key» в совершенно русское «акей!», «акейно!». «Переимчивый и общежительный» русский язык живет по своим законам, сохраняет свой неповторимый образ мира.

Именно поэтому на «рабочих столах» компьютеров, на обложках тетрадей своих студентов я всё чаще вижу: «Живу в России и горжусь этим»; «Родина-мать зовет!». И самое главное – просьба, **требование** наших учеников: «Научите нас говорить красиво». Ради этого стоит работать и жить!

Именно поэтому

Я буду бороться за русский язык до последнего вдоха!

Мои полководцы – великие Пушкин и Даль.

Я с ними иду по тернистым Познанья дорогам.

Они открывают мне тропы в заветную даль.

Давно эпитафии пишутся Слову родному,

Но шёпотом нежным и громом небесным опять

Идёт к Человеку могучее русское Слово:

Совет и Спасенье, Надежда, Любовь, Благодать.

Сознание и Совесть лишь в русском совпали в значенье.

Язык и Народ – только в русском понятые – одно.

Лишь Русской Душе в дни раздумий и тяжких сомнений

В дорогу **напутное** вечное русское слово дано!